

рая была представлена в виде набора компонентов значения.

2. Глаголы были разделены на ядро и периферию в соответствии с частотой употребления. К ядру относятся: *to go, to come, to move, to run*, а к периферии: *to carry, to climb, to crawl, to creep, to fly, to swim, to slide, to ski, to skate, to raise, to lift, to fall, to finish, to hurry, to walk, to float, to sail, to escape, to flee, to abscond, to decamp*.

3. Основным критерием для группировки «глаголов движения» по группам среди информантов являлось их лексическое значение.

Список литературы

1. Петренко В.Ф. Основы психосемантики – 3-е изд. – (Психологическое образование). – М.: Издательство ЭКСМО. Серия «Психологическое образование», 2010. – 480 с.

2. Ярема Е.В. Функционально-семантические особенности глаголов движения: автореф. дис. ... канд. Филол. наук. – Майкоп, 2008. – 20 с.

3. British National Corpus. – URL :<http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения 30.11.2010).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СЛЕНГ»

Козубская А.И., Шушарина Г.А.

*Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Комсомольск-на-Амуре,
e-mail: lmk@initkms.ru*

Вопросы истории формирования сленга и его происхождения волновали не одно поколение ученых в лингвистике. Согласно результатам большого количества проведенных исследований, возникновение сленга как особого пласта лексики относятся к моменту появления и становления так называемой разговорной нормы языка, развиваясь и оформляясь в течение веков в языковой стихии сленг, наряду с другими языковыми слоями, находящимися на периферии литературной нормы. На проблему выделения или выделенности сленга из ряда других и как понятия и как термина у отечественных языковедов существует несколько точек зрения: И.Р. Гальперин в своей статье «О термине «сленг»», ссылаясь на неопределенность этой категории, вообще отрицает ее существование. Его аргументация основана на результатах исследований английских ученых лексикографов, главным образом на их опыте в составлении словарей английского языка, которые показали, что одно и то же слово в различных словарях имеет различное лингвистическое признание; одно и то же дается с пометой «сленг», «просторечие», или без всяких помет, что свидетельствует о соответствии литературной норме языка. И.Р. Гальперин не допускает существования сленга в качестве отдельной самостоятельной категории, предлагая термин «сленг» использовать в качестве синонима, английского эквивалента жаргона. Мнение о тождестве двух понятий (сленга и жаргона), но помимо этого – резкое отрицание присутствия подобного явления в русском разговорном языке (Е.Г. Борисова-Лунашанец, А.Н. Мазурова, Л.А. Радзиховский). Интересно использовать в данном аспекте мнение академика А.А. Шахматова, который предлагал указывать на подобное явление внимание, а не увлекаться пропагандой отрицания сленга и указанием как надо говорить. Э.М. Береговская выделяет более 10 способов образования функциональных единиц сленга, тем самым подтверждая тезис о постоянном обновлении словарного состава сленга.

Список литературы

1. Сапожникова М.А. О некоторых особенностях системы школьного сленга в русской культуре // *Языкознание в России*. – 1999. – №5. – С. 37-43.

2. Гальперин И.Р. О термине «сленг» // *Вопросы языкознания*. – 2001. – №1. – С. 17- 21.

3. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // *Вопросы языкознания*. – 1996. – № 3. – С. 32-41.

ИДЕАЛИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ ЗА САМОБЫТНОСТЬ В ЭСТЕТИКЕ РОМАНТИЗМА И МЕКСИКАНО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Коржова Е.М.

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, Чита,

e-mail: yek.korzhova@yandex.ru; beatrice.portinari@mail.ru

Эпоха современности позволяет изучать культуру с опорой на постулаты системно-структурного подхода. Один из ярких примеров, который мог бы проиллюстрировать сказанное, представлен спецификой современной американской культуры. Обращаясь к системно-структурному подходу, допустимо предположить, что она являет собой своеобразную макросистему, состоящую из микросистем. В качестве макросистемы представляется логичным рассматривать макрокультуру, или общеамериканскую культуру (так называемый *mainstream*). В свою очередь, микросистемы, то есть, компоненты, составляющие структуру макросистемы, представлены этническими микрокультурами, в число которых входят мексикано-американская, афро-американская, азиатско-американская и некоторые другие культуры. Перечисленные компоненты могут быть названы гибридными проявлениями американской культуры, поскольку они обладают двойственной природой. С одной стороны, они характеризуются своей спецификой, объясняющей их этническую оригинальность и неповторимость. Но с другой стороны, каждая из этих микрокультур неизменно испытывает на себе влияние культуры «мэйнстрима», нередко подвергаясь американизации.

Наибольший интерес на страницах настоящей статьи приобретает мексикано-американская микрокультура, точнее, литература, также известная под названием *Chicano*. Подобно своим «побратимам» – афро-американскому, азиатско-американскому и некоторым другим компонентам, – мексикано-американский компонент общеамериканской культуры характеризуется гибридностью, двойственностью. Именно гибридность служит своеобразным отправным пунктом для начала сопоставительного анализа литературы чикано и литературы романтизма.

Анализируя гибридность культуры чикано, допустимо говорить о некоторой противоречивости менталитета данного этноса. С одной стороны, представители этнической группы чикано стремятся стать неотъемлемой частью общеамериканской культуры, существовать в качестве её полноправных представителей и вносить свой оригинальный вклад в её процветание [6]. Однако, с другой стороны, они не могут допустить, чтобы их культура была порабощённой и обезличенной, поэтому они ведут неотступную борьбу с повсеместной американизацией и, тем самым, непреклонно отстаивают право на этническую самобытность.

В 60-е годы XX столетия эта борьба зачастую приобретала революционную окраску. Этот период отмечен возникновением так называемой «поэзии социального протеста», которая отражала экстремистские настроения бунтующих масс, отстаивающих право на существование в условиях этнического суверенитета [6]. В данном ракурсе, представляется своевременным провести параллель с эстетикой западноевропейского, в первую очередь, немецкого романтизма.

В эпоху наполеоновской диктатуры Германия представляла собой далеко не мощную державу, обеспеченную сильной армией, но всего лишь общую территорию, на которой располагались мелкие разрозненные княжества [5]. Германия пребывала в крайне тяжёлом социально-экономическом и полити-

ческом состоянии. Ресурсы для противостояния наполеоновским набегам были ничтожны. Острое осознание раздробленности и обессилности родной страны подвигло представителей гейдельбергской школы немецкого романтизма сформировать не просто литературное течение, но организованное социально-политическое движение, которое являло собой призыв к немецкому народу и было нацелено на спасение немецкой самобытности.

Таким образом, отстаивание права на самобытность было общим для немецких романтиков и представителей мексикано-американского этноса.

Отстаивание любого витального или юридического права нередко требует выражения яростных бунтарских настроений. В этом ракурсе, представляется релевантным упомянуть фигуру Перси Биши Шелли – видного представителя английского романтизма, в частности, течения революционного романтизма. Он был убежденным сторонником Французской революции и воспринимал все социально-политические изменения, которые она за собой влекла, как острую необходимость. С лихостью и веселостью он приветствовал революционные лозунги. В пору юности такой «молодческий задор» стал причиной отчисления Шелли из университета [4].

Из всего вышесказанного следует, что Шелли, подобно гейдельбергерцам и чиканос, разделял экстремистские воззрения и отстаивал определённые права. Разница заключается в том, что Шелли отстаивал право Англии (равно как и целой Европы) на устремлённость в светлое будущее, тогда как, гейдельбергерцы и, спустя чуть меньше столетия, чиканос, боролись за самобытность.

Кроме того, рассуждая о борьбе за самобытность, нельзя не упомянуть **поэтизацию, или идеализацию прошлого**, которая, наряду с многими другими категориями, составляла эстетику западноевропейского романтизма [7]. На страницах настоящей статьи эта категория могла бы послужить немаловажным аргументом для сопоставления эстетики романтизма и чикано.

Как указано выше, представители мексикано-американского этноса зачастую радикально настроены против довлеющей над ними американизации. Нередко, отстаивая право на этническую самобытность, они обращаются в прошлое. Чиканос искренне гордятся своими индейскими корнями и не желают утрачивать связь с ними. Они изучают обычаи и традиции своих давних племенных предков, а также, чтят морально-нравственные устои старой, патриархальной мексиканской семьи. Тем самым, они стремятся усвоить тот культурно-ценностный опыт, который был накоплен предшествующими поколениями [6]. Таким образом, представители мексикано-американского этноса нередко прибегают к идеализации прошлого, желая возродить былой уклад жизни.

Говоря о представителях романтизма, следует отметить, что идеализация прошлого выполняла важную роль в творчестве тех писателей, которые примыкали к гейдельбергской школе немецкого романтизма, уже упомянутой на страницах данной статьи. Создавая свои произведения, романтики нередко обращались в прошлое, заимствуя многие мотивы и сюжеты из немецкого фольклора. Отдавая дань уважения памятникам немецкой старины, гейдельбергерцы стремились сохранить культурное наследие [1]. Гейдельбергерцы, подобно представителям этноса чикано, применяли идеализацию прошлого в качестве одного из орудий борьбы за самобытность.

Уважение к памятникам старинной народной культуры было присуще творчеству некоторых английских романтиков, которые черпали образы и мо-

тивы для своих произведений из англо-саксонских и скандинавских преданий и легенд [3].

Возвращаясь к раскрытию проблемы протеста, видится релевантным добавить, что выражение мятежных, бунтарских умонастроений характеризовало деятельность отдельных представителей американского романтизма. Организация общественно-политического движения была подчинена цели, которая сводилась к освобождению чернокожих невольников. Как известно, это движение носило название «аболиционизм».

Социально-политическая и экономическая ситуация не могла не вызвать резонанс в самых разных слоях американского общества, в том числе, в среде писателей-романтиков. Творчество таких писателей, как Гарриет Бичер-Стоу, Ральф Уолдо Эмерсон, Генри Уордсуорт Лонгфелло и многих других, было посвящено идеям аболиционизма [2].

Суммируя всё вышеизложенное, допустимо сделать ряд важных заключений. Одним из ярких аргументов, позволяющих предполагать наличие черт сходства, которые характеризуют мировоззрение представителей мексикано-американской этнической группы, с одной стороны, и представителей западноевропейского романтизма – с другой, выступает стремление и тех, и других отстоять те или иные права, выражая революционные умонастроения. Представители этнической группы чикано оказывают сопротивление американизации общественного мышления и жизнедеятельности, так как желают сохранить самобытные законы и устои своей этнокультуры. В творчестве немецких, в частности, гейдельбергерских романтиков, мятежные умонастроения определялись стремлением противостоять агрессивной политике Наполеона и возродить самобытный немецкий менталитет. В эстетике английского романтизма революционные идеи были представлены творчеством Перси Биши Шелли. Наконец, бунт американских романтиков был нацелен на освобождение чернокожих рабов и легализацию идей аболиционизма.

Идеализация прошлого служит средством борьбы за самобытность для представителей мексикано-американской этнической группы, подобно тому, как в XIX столетии она служила таким же средством для представителей западноевропейского и американского романтизма. Этот концепт или, точнее, процесс, признан одним из самых важных компонентов эстетики романтизма. На страницах настоящей статьи именно этот компонент выступил в качестве центральной категории, которая легла в основу сопоставительного анализа эстетики романтизма и эстетики литературы чикано. Однако, следует оговориться, что идеализация прошлого – далеко не единственная точка соприкосновения двух исследуемых явлений.

Список литературы

1. Белобратов А.В. История западноевропейской литературы XIX века: учеб. для вузов / А.В. Белобратов, А.Г. Березина.
2. Гиленсон Б.А. История литературы США: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 704 с.
3. Дьяконова Н.Я. Западно-европейский романтизм: учеб. для вузов. – М.: Просвещение, 1994. – 300 с.
4. История зарубежной литературы XIX века: учеб. для студентов пед. ин-тов. В 2-х ч. Ч. 1 / Н.П. Михальская [и др.]; под ред. Н.П. Михальской. – М.: Просвещение, 1991. – 256 с.
5. История немецкой литературы: учеб. пособие для студентов фак. и ин-тов иностр. яз. / Гуляев Н.А. [и др.]. – М.: Высшая школа, 1975. – 526 с.
6. Переводчик: научно-художественный журнал / гл. ред. О.В. Стельмак; печатный орган ЗабРО СПР. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. – №8. – С. 108-118.
7. Сравнительное литературоведение: Россия и Запад. XIX век: учеб. пособие / В.Б. Катаев [и др.]; под ред. В.Б. Катаева. – М.: Высшая школа, 2008. – 352 с.